

VERDI: *Rigoletto*

CD Sierra, Volkova; Demuro, Hvorostovsky, Mastroni. Kaunas State Choir, Kaunas City Symphony Orchestra, Orbelian. Text and translation. Delos DE3522 (2)

DMITRI HVOROSTOVSKY was not by nature cut out for Verdi's dramatic baritone roles. The soft nap that made his lyric instrument so distinctively beautiful gave it a markedly different contour from the forwardly placed, even nasal character of a classic Verdi baritone. Still, in the later part of his career, he took on increasingly heavy Verdi roles, making them work through exemplary technique and sheer musical intelligence. In this, his last recording, made scarcely a year before his recent, untimely death, he tackles the most monumental Verdi assignment of all and, on his own terms, magnificently succeeds.

When Rigoletto makes his entrance jeering at Count Ceprano, Hvorostovsky's sound is shockingly guttural, with flecks of grit I wouldn't have imagined as part of his arsenal: he had come a long way from the liquid lyricism of his Prince Veletsky or Don Giovanni. In the desultory Act II "La rà" passage, the timbre is almost gnarled:

the prince of singers here turns into a nutcracker. In the jester's private moments, though, we hear the Hvorostovsky sound unfiltered, as it were; away from the courtiers, Rigoletto can reveal his true tenderness. We hear in the singing how the hunchback could manage to attract his angelic wife. When he tells Gilda about her mother, or when he entreats Giovanna to protect his daughter, he does it in long, unbroken phrases, as if the sentiments were too urgent to be interrupted by breath.

Hvorostovsky doesn't quite have the brawn to charge through "Cortigiani vil razza." But even here, he draws us in: he has drawn the character so completely that the passage's place in the opera's emotional arc is manifestly clear. The final scene in his reading is almost unbearably sad, partly because the singer himself seems to be saying farewell, but also because he has rendered Rigoletto's tragedy with specificity and power, bringing Verdi's monumental conception to full, breathing life.

This is, in fact, a compelling *Rigoletto* all around. The work of the Kaunas City Symphony Orchestra evidences meticulous preparation. Constantine Orbelian's reading doesn't quite conjure the smell of greasypaint, but that's partly because it feels so free of routine. Some traditional *rallentandos* fall by the wayside, but the result doesn't feel rushed; it feels fresh and convincing. And despite his tight rein on the work's rhythmic structure, he provides his singers with a framework to phrase freely and expressively.

Nadine Sierra sings sweetly and nimbly; the sparkle in her voice conveys Gilda's naiveté. But she is no simpering soubrette: the tone is round and full. You hear in her singing the resoluteness that will lead the girl to her dreadful fate. (There is one truly unfortunate moment at which, rather than singing Verdi's music when Gilda decides to enter the thieves' den, Sierra shouts out the text. She elsewhere shows herself too fine an artist to resort to such a vulgar tactic.)

Francesco Demuro's Duke is a man so enthralled by his own powers of seduction that he can't help but exercise them. He is a thoroughly amoral creature: it isn't as if he seeks to do evil; it's just that the moral implications of his actions never figure in the equation. Demuro conveys his conception through the open-throated directness of his singing. From the evidence here, he is not an elegant singer—you'll listen in vain for a dynamic level below mezzo forte. Moreover, at top volume, the voice reveals an incipient shudder. But he makes the Duke so devilishly appealing a figure that you can immediately understand why Gilda succumbs to his wiles.

Andrea Mastroni is an unusually youthful-sounding Sparafacile, quite credibly near in age to his beautiful sister. Oksana Volkova's ripe mezzo makes her Maddalena aurally embody carnality. Baritone Kostas Smoriginas, an unusually fine Monterone, sounds like he could be a plausible Rigoletto himself.

The CD booklet includes session photographs of a beaming Hvorostovsky, heartbreaking to contemplate. —Fred Cohn

[VERDI: Rigoletto \(operanews.com\)](http://operanews.com)

Фред Коэн

ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ по своей природе не был создан для драматических баритоновых ролей Верди. Мягкость, которая делала его лирический инструмент таким исключительно красивым, придавала ему заметно иной контур, чем у выведенного вперёд, даже носового характера классического баритона Верди. Тем не менее, на более позднем этапе своей карьеры он брался за всё более тяжёлые роли Верди, заставляя их звучать с помощью образцовой техники и настоящего музыкального интеллекта. В этой своей последней записи, сделанной всего за год до его недавней безвременной кончины, он берётся за самое монументальное создание Верди и, по обыкновению, великолепно преуспевает.

Когда Риголетто появляется, насмехаясь над графом Чепрано, звук Хворостовского шокирующе гортанный, с твёрдостью, которые невозможно было себе представить как часть его арсенала: он прошёл долгий путь от певучего лиризма своего князя Елецкого или Дон Жуана. Во фрагменте из второго акта "La gà" тембр почти корявый: король певцов здесь превращается в щелкунчика. Однако в интимные моменты шута мы как бы слышим звук Хворостовского без фильтра; вдали от придворных Риголетто может раскрыть свою истинную нежность. В пении мы слышим, как горбун сумел привлечь свою ангельскую жену. Когда он рассказывает Джильде о её матери или когда умоляет Джованну защитить его дочь, он делает это длинными, непрерывными фразами, как будто чувства были слишком настойчивыми, чтобы их можно было прервать дыханием.

Хворостовскому не совсем хватает силы броситься в атаку с арией "Contigiani, vil razza". Но даже здесь он притягивает нас: он изобразил персонажа настолько полно, что место этой арии в эмоциональной интонации оперы очевидно. Финальная сцена в его прочтении почти невыносимо печальна, отчасти потому, что сам певец, кажется, прощается, но также и потому, что он передал трагедию Риголетто с конкретностью и силой, вдохнув полную жизнь в монументальную концепцию Верди.

Это, по сути, во всех аспектах убедительный "Риголетто". Работа Каунасского городского симфонического оркестра свидетельствует о скрупулёзной подготовке. Прочтение Константина Орбеляна не вполне погружает слушателя в действие, но отчасти это потому, что оно очень свежее. Некоторые традиционные замедления темпов отходят на второй план, но результат не кажется поспешным; он кажется свежим и убедительным. И, несмотря на то, что дирижёр жёстко контролирует ритмическую структуру произведения, он даёт своим певцам возможность выражаться свободно и экспрессивно.

Надин Сьерра поёт сладко и легко; искорка в её голосе передаёт наивность Джильды. Но она не жеманная субретка: тон округлый и полный. Вы слышите в её пении решимость, которая приведёт девушку к её ужасной судьбе. (Есть один действительно неудачный момент, когда вместо того, чтобы петь музыку Верди, когда Джильда решает войти в догово воров, Сьерра выкрикивает текст. В других местах она показывает себя слишком тонкой художницей, чтобы прибегать к такой вульгарной тактике.)

Герцог в исполнении Франческо Демуро - человек, настолько упоённый своей соблазнительной силой, что всё время практикуется в этом. Он насквозь аморальное существо: дело не в том, что он стремится творить зло; просто никогда не задумывается о моральных последствиях своих действий. Демуро передаёт свою концепцию через откровенную прямоту своего пения. Судя по продемонстрированному им пению, он не изысканный певец — напрасно ждать от него динамичный уровень тише меццо-форте. Более того, на максимальной громкости в его голосе начинает слышаться дрожь. Но он делает герцога настолько дьявольски привлекательной фигурой, что сразу становится понятно, почему Джильда поддаётся его уловкам.

Андреа Мастрони - необычайно молодо звучащий Спарафучиле, вполне достоверно близкий по возрасту к своей прелестной сестре. Сочное меццо Оксаны Волковой на слух воплощает чувственность её Маддалены. Баритон Костаса Сморгинаса, необычайно прекрасного Монтероне, звучит так, что он сам мог бы быть убедительным Риголетто.

Буклет включает пронзительные фотографии процесса звукозаписи диска с сияющим Хворостовским.

Перевод Н.Тимофеева